
18+
Стеклянные рассказы
Нина Шамарина

Нина Шамарина

Стеклянные рассказы

«Издательские решения»

Шамарина Н.

Стеклянные рассказы / Н. Шамарина — «Издательские решения»,

«Стеклянные рассказы» — сборник текстов разных лет, но все они как будто об одном и том же.Стекло в них ловит свет, высвечивает главное, но и ранит, если разобьется. Всё так же, как в жизни. Но будем загадывать на хорошее.

© Шамарина Н.
© Издательские решения

Содержание

Лилии для Лилии 6
Подарок 9
Ключи от рая 11
Билет в седьмой ряд 13
Мы тронулись 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Стеклянные рассказы

Нина Шамарина

Оформление обложки sinonim.org

© Нина Шамарина, 2026

ISBN 978-5-0071-8004-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лилии для Лилии

Они собрались на вечер встречи одноклассников (как во все прошедшие тридцать пять лет) в третий выходной июля, в середине лета. Последние лет двадцать собирались, правда, одни и те же мальчишки, человек восемь, иногда десять: Вовка, Андрей, Пашка… С пузиками, залысинами и седыми усами.

Первый тост — за тех, кого с ними нет и никогда не будет. Все больше и больше их там, за гранью — учителя, друзья, ребята из параллельного…

Но вот звучат робкие: — А помнишь? — и трагические ноты тонут в общем шуме веселья.

— А помнишь Лилию Владимировну?

— Как не помнить?! Я в нее немножко влюблен был.

— Да ты во всех тогда был влюблен!

— Скажешь! В Завуча нет…

— В Лилию и я влюблен был!

— И я!

— Пацаны, пацаны, а помните, за лилиями в пруд лазили?

— Да-да, как раз для Лилии, Лилии Владимировны.

— Не в пруд, в Яузу, там такое местечко в реке — как пруд, кувшинками заросло все.

— Вовка, Вовка, помнишь, ты полез, а мы на берегу стояли, орали тебе: «Желтые маленькие не бери, бери только белые!»

— Конечно, помню. Умники такие, сами не лезут, а учат только.

— Ты тогда вылез — ноги по колено в иле, на плечах водоросли какие-то, грязный…

— И пиявки на щиколотках.

— А Кирюха как завопит: «Червяки, черные червяки»…

— Где он сейчас, Кирюха, знает кто-нибудь?

— Да по-прежнему, в аппарате Президента.

— Мы пока эти лилии для Лилии добывали…

— Песня еще такая была «А я в окошко Лилии бросал три белых лилии…»

— Не, ты что, песня позже, мы сами придумали, что Лилии нужно лилии.

— Мы добывали! Сказанул… Да не мы, а я. Я один добывал! А вы только советовали. Стебли длинные, упругие, не оторвать никак. На корточки сяду — воды нахлебаюсь и ноги вязнут все глубже и так уж, еле их вытаскиваю…

— Да, вывозился ты тогда знатно! Вылез — как Анчутка из болотца.

— Но и букет насобирал — зачетный! Правда, пока то да сё, он как-то подвял…

— А помните, Валерка Смирнов какие-то граммофоны приволок? Он их у «Дома образцового содержания» натырил, возмущался: — Вот лилии настоящие, а ваши — кувшинки! Ботаник великий.

— Правда ведь, те тоже лилии…

— Валерка, по-моему, и помогал Лилии Владимировне все цветы нести, и наши, и свои, и еще какие-то… Ей тогда гору натащили, днюха у нее была. А потом она болела долго, заменяла ее физичка Марь Степановна.

— Беременная Лилия, говорили.

— А где же ребенок?

— Всяко бывает…

— Ребят, не Валерка цветы ей нес, я. Меня попросила.

— Ты??? И молчал столько лет! И адрес ее знаешь?

— Дом только и подъезд. Она сказала — на лавочку свалить, рукой куда-то махнула: «Вон мои окна».

— А поедем, навестим?

— Думаешь, удобно?

— А мы к подъезду только, на лавочку.

— И лилии купим?

— Розы. Разве *такие* лилии купишь?

— Пацаны, я уже такси вызвал, белый Форд, 787, через две минуты подъедет.

***

Они вывалились из такси — потные, красные, разгоряченные… Что тут ехать от школы — не успели остыть ни от выпитого, ни от воспоминаний… Сердце дрогнуло: мой золотой класс, замечательные мальчишки, пусть и сильно повзрослевшие, едва узнаваемые. Девочки мне завидовали, но и восхищались: как же, старая тетя, а такая всегда изящная, элегантная. (На их взгляд — старая, мне и тридцати тогда не набежало). А мальчишки так трепетно ко мне относились, однажды водяных лилий принесли, которые на самом деле нимфеи.

Мальчишки, видать, на встрече одноклассников свиделись, они летом проходят — эти встречи. По-моему, не очень удобно, кто придумал? Мне, по сути, все равно, я на эти встречи не хожу, я давно не учительница. После выкидыша в школу больше не вернулась, пошла в турфирму работать. Муж ушел, домой с работы придешь — пыль, посуда немытая в раковине… тоска… бокальчик хорошего вина примешь, потом другой, как будто полегчает… Не заметила, как втянулась. Только однажды с утра трезвою в зеркало глянула — кто это? Глаз не видать — затекли, щеки красные, шершавые какие-то… И печёнка из-под ребер торчит. Или показалось только?

«Доигралась Лилька, — думаю, — допилась. Надо завязывать, сдохнешь в одиночестве». И странно — говорят, женщины от алкоголизма не излечиваются, а я смогла как-то. Уж не знаю, что меня больше испугало — боязнь помереть или мой видок.

В турфирме, несмотря на все пертурбации, до пенсии трудилась, цветы на клумбу неподалеку высаживала, полгорода ходили любоваться. Эта людская восторженность моими цветами, мне теперь думается, меня и спасла, как же — лилии от Лилии. А я их уж так лелеяла, как моих учеников когда-то, а любила как тот самый золотой класс. На пенсию вышла — времени много — у подъезда тоже клумбу возделываю и поливаю. Перчатки резиновые натяну, чтоб руки не портить, антизагаром намажусь — и вперед, полдня могу никому, кроме меня, не видные сорняки дергать. А уж каких только лилий и лилейников у меня нет: и желтые, и алые, и белые, и черные… И даже абрикосовые с розовыми язычками, сегодня с ними вожусь с самого рассвета.

***

— Простите, пожалуйста, вы не знаете, Лилия Владимировна здесь раньше жила? Учительница.

— Во спросил! Как будто она умерла уже. Извините, а в какой квартире Лилия Владимировна живет? Красивая такая?

— Красивая! Ей уж семьдесят, поди.

— А что, в семьдесят, не бывает красивых?

— Ша, пацаны, потом поспорите. Какие цветы замечательные у вас. Как называются? Лилии???

— Ребятки, это она!

— Да ты че! Алкашка какая-то!

— Точно говорю!

— Тихо ты! Услышит. Обидел человека ни за что, ни про что.

— Возьмите розы, пожалуйста. Они тоже — ничего. Мы учительнице любимой везли — Лилии Владимировне, но не найдем ее что-то.

***

Я взяла, кивнула.

— Спасибо. — Постаралась, чтоб голос не дрогнул, — счастливая ваша учительница: помните ее до сих пор.

Подарок

Ненавижу ноябрь. Мелкая колючая крупка, мерзлые комья земли, темно и ночью и днем…

Только один ноябрь другим у меня случился. Не то, чтобы светлее было, а только сын у меня родился. Сыночек.

Любил я его? Не помню уже. Помню, ворох цветных тряпочек в руки мне сунули, а что там внутри — и не разглядеть сразу. Домой приехали — орал и ночью и днем, может, больной какой?

А потом как-то все завертелось быстро. С работы меня турнули, а другой никак не находилось. С женой поругиваться стали. Она ночью сына качает, а днем то спать прикладывается, то сына кормит, на меня внимания не обращает.

Мамаша моя подсуетилась и забрала меня. И только запись в моем паспорте осталась, сын, мол, у тебя — Иван Максимович Потапов.

Сына я больше не видел. С женой нет-нет да встречался: суды какие-то, алименты, претензии. А я уж и забывать о них стал, только иногда к пацанятам в метро приглядывался: сначала к годовалым, потом — десятилеткам, потом на юношей лет шестнадцати… Думал: «Мой такой же, бегает где-то…»

Почему не искал? Говорю же: работы нет, мамаша не разрешает…

И вот однажды — помню прекрасно, как это было — позвонили в дверь. А меж тем — суббота: пиво, рыбка. Так вот, звонок. Открываю. Парень высокий, худощавый. И говорит баском:

— Здравствуй, папа.

Громко так, то ли с издевкой, то ли еще что.

Я опешил, пиво чуть не выронил:

— Ошиблись, молодой человек.

— Да нет, — говорит, — не ошибся. Потапов Иван Максимович — знакомое имя?

Обомлел я. На ногах еле удержался, но тащу его в квартиру:

— Сынок!

А он то ли идет, то ли не идет. Собранный весь, сосредоточенный. Обнять хочу, а боязно. А ну, думаю, засветит сейчас меж глаз папашке-то за все хорошее.

Ну, в коридоре потолкались, вошли. Я стол маленько расчистил, как бы его глазами на свою квартиру глянул. Прямо сказать, неважнецкая квартира. Как мамаша моя померла, убираюсь редко, готовлю кое-как. И бутылок — полкухни. А куда их девать? Не сдавать же, а выбросить — руки не доходят. Не, я не пью, вы не подумайте. Так, в субботу под рыбку, ну, или там — в праздник какой.

От пива начисто отказался, на рыбку с какой-то даже брезгливостью глянул, а разговор меж нами такой:

— Зла, —говорит, — не держу, вырос без вашей помощи. За маму обидно — тяжело ей пришлось. Но семья наша дружная — все помогали.

И слово «наша» особо так голосом выделил, дескать, не про вас это, дядя. Повернулся и вон пошел.

— Сынок, погоди, сынок! Дай хоть подарю тебе что на память.

Кинулся я в комнату, разворошил тряпки, что в шкафу навалены. На дне, в коробке мамаша игрушки мои хранила, дневники школьные, другую белиберду. А как померла, я выбросить хотел, но не успел как-то. Растеребил коробку-то, грузовик, помню, у меня был большой красный, с синим кузовом. Достал я его, пыль смахнул.

— Вот, возьми, сынок, на память. И прости меня.

— Бог простит, — ответствовал.
И ушел. А грузовик оставил.

Ключи от рая

А случилось вот что.

Помер мужик на Пасху. И мужичок-то — никакущий: и жену с детками гонял в праздники и по будням, и выпить не дурак, и в церковь ни ногой.

Ну, а как помер, жена панихиду заказала, честь по чести. Это ж теперь обязательно, как раньше — оркестр с литаврами: бумс-бумс. Поп кадилом помахал, попел гнусаво, а потом сказал, что, мол, кто на Пасху преставился, сразу в рай попадает через открытые врата. И грешил кто, или праведником жил — не важно. Ну, еще плел что-то про то, что, дескать, может, мужик-то этот, только с виду такой хулиган и дебошир, а в душе наверняка светлый и чистый, раз его Бог на Пасху призвал.

А дружбан этого мужика — Митяй, главное услышал: если на Пасху — сразу в рай, а остальную лабуду мимо пропустил. Не задумывался.

Крепко ему эта идея в башку засела, потому как в рай-то — кто ж не хочет. И здесь живи, как твоей душеньке угодно, и там — в благодати и неге.

На всякий случай стал наш Митяй, нет-нет, в церковь ходить: вдруг еще какие бонусы есть? Может, не только на Пасху, но и в другой какой праздник, такая лафа: греши, а в рай все равно угодишь. Ничего такого не разобрал, об этом вообще никто более не заикался.

Да и как подгадать, чтоб точно на Пасху, Митяй не разумел. Жизни себя лишить? Во-первых, не так просто лоб себе расшибить, а во-вторых, самоубийц в рай не берут, Митяй давно знал. Их, небось, и не отпевают?

Этого Митяй наверняка знать не мог, в их деревне отродясь никто самолично не убивался, только если по пьяни, как Витек-Шестопал, что в озере утоп. С пьяных глаз окунуться полез, так его и не откачали. Но это несчастный случай скорее, со всяким может произойти.

Митяю соседка Клава, словно его сомнения почуяв, рассказала, как у нее городской свояк умер. У отца этого свояка в пятьдесят лет случился инфаркт, прям в день рождения, и у старшего брата точно так же. Так вот, свояка уж как все уговаривали — случайность трагическая, не стоит внимания на это обращать. И он, вроде, поверил. Утром своего «полтинничка» поднялся, зарядку сделал, чаю попил… И все, ласты склеил. Клава сказывала — убедил сам себя, сердчишко-то и остановилось от этого убеждения.

Если б так же: уверить себя, уговорить! Да где ж такой силы убеждения набраться? Надо б, силу эту и волю заодно, тренировать что ли? Авось поможет.

Или вот еще что. Упиться горькой (хотя какая ж она горькая, если к ней так тянет?) Да так упиться, чтобы незаметно по ту сторону оказаться, и Петр перед тобою ворота настежь распахнул. Конечно, пьянство — грех, но все лучше, чем жизни себя лишить.

На том Митяй и успокоился: если незаметно, без боли, да без страха, то и сейчас можно, как раз снова Пасха на носу. Чего от жизни еще ждать? Все одно и то же.

Отправился в чипок, по пути размышляя, хватит ли ему одной бутылки? Мужик он крепкий. Так, чтоб до синих мух напиться, никогда с ним не бывало, не алкаш какой. А помереть чтоб, это сколько ж потребуется? Надо, думает, шампанского захватить что ли? Оно, говорят, по мозгам сильно шибает, не зря ж, коли шампанское с водкой смешать, в бессознанку уходишь, а перед тем «северное сияние» получаешь. Не пробовал Митяй такого раньше, как и самого сияния никогда не видал, а сегодня задумал, чтобы красиво все было, с фейерверками и салютом, ну, и не страшно чтоб.

Пришел Митяй в магазин, и «Буратино» увидел. Почти, как в детстве его. Только вместо крышки — жестяной кепочки с ушками — пластиковая пробка отвинчивается. За прилавком Любаня, они с Митяем в одном классе учились. Однажды в восьмом классе в поход ходили, газировки этой набрали… напились — никакого шампанского не надо. У Любани губы сладкие

были, липкие. А сейчас глаза круглые выкатила: «Ты что, Митяй, попутался, на сладенькое перешел? Что ль твоя супружница тебя не балует?»

Вот, ведь, зараза какая, нашла, чем укорять, вся деревня в курсе, что жена Митяя — дама суровая.

Но Митяй Любаню слушать не стал, и водочки купил, и шампусика, и газировочки. По дороге крышечку у газировки свинтил: колюченькая, ну, есть, как в походе! До дома бутылку не донес, выхлебал по дороге, да рассиропился, даже водки расхотелось. Все планы псу под хвост. Снова год ждать.

А жизнь меж тем без оглядки катится, весна, лето, осень кувырком пролетели, вот уж и зима подступилась, а затем и ее хвостик показался, значит, опять Пасха скоро. Митяй мыслей своих не оставил, но как-то потускнели, они, пожухли, скукожились.

На Рождество Христово сподобился исповедоваться, да причаститься. Бабки обещали, что после этого в чистой душе блаженство наступит. Ничего такого Митяй не почувствовал, но бабкам лучше знать, они, почитай, каждый месяц причащаются, а одна — баб Маня, во всякую службу тело и кровь Христа вкушает.

Церковь деревенская, из руин восстановленная, на горке стоит, на берегу озера. Зимой озеро замерзает. И хоть лед трещит под ногами, да прогибается, все равно все прямо по озеру идут, ребятня особенно — им до школы по льду короче. Потом лед, как человечишко какой, чем дальше, тем больше «мясом» обрастает, не опасным становится, примерно до марта. А апрель — самый страшный. Вроде, лед еще толстый да крепкий, а такие промоины бывают, ухнешь, и не заметишь как. Никто уж на лед не суется. Вокруг идут.

И Митяй вкруг озера шел: забега′л в церковь мерки снять: перильца у алтаря решил сделать для красоты. И не заказывал никто, только душа Митяева вдруг запросила, сделай, да сделай: тебе в охотку, а людям на радость. Шел, не спеша, задумался: с бомбошечками перильца сделать, или построже?

Как вдруг тоненький крик услышал: «ма-а-а-ма!» (В самый трудный жизненный момент все маму вспоминают, на помощь зовут.) По сторонам глянул, по ледяной равнине глазами пошарил: батюшки-светы! В проталине кто-то барахтается, только зеленая шапка с помпоном надо льдом видна, да руки за края полыньи цепляются.

Не раздумывал Митяй ни секундочки, ринулся, толстую палку схватил, на счастье, по пути подвернулась.

Лег на лед, палку пихает: «Хватайся!»

Девчоночка, Иришка Павлинцева из третьего класса — глаза, что твои блюдца, синяя, рот раззявила, а только сип уже раздается, не соображает ничего, из последних сил держится, где ей палку схватить!

Митяй валенки скинул, полушубок сорвал, палку поперек на края проруби кое-как приспособил, да и прыгнул. Девчонка, не смотри, что маленькая, а тяжелая, да и шубка водой напиталась, еле-еле на лед вытолкал, все силы потратил. От холода дыхание сбилось, ногу свело, и где ж ты палка, палка-выручалка?

Голоса успел услышать — народ от деревни подоспел, баба какая-то заголосила, куда ж без этого?

И видит Митяй: Апостол Петр с ключами над ним в сером облачном небе качается и пальцем грозит.

И что, скажите на милость, это означает? То ли рано ты, Митяй, помирать собрался? То ли рая не заслужил?

Билет в седьмой ряд

Юля оказалась в театре против своей воли. Не сказать, что она не любила театр, но одной, по подаренному в офисе на Новый год билету, идти не хотелось. Да и спектакль на религиозную тему — «Ангел-хранитель» — Юле вовсе не интересен. Но Юля пошла, иначе жаба задушила б, такие деньжищи, пусть и не ее, на ветер.

На спектакле, сидя в седьмом ряду партера, Юля ловила себя на том, что почти не следит за действом, отвлекаясь и уносясь мыслями далеко из зала. Вот, например, ангел-хранитель он какой? Высоченный, белокурый, как на сцене? А как же тогда он сидит у человека на правом плече? Стало быть, ангел-хранитель, как и любой ангел, нечто эфемерное, воздушное, сияющее? Или он не на плече, а в латах и шлеме, на шаг впереди размахивает мечом, отгоняя Юлиных врагов? Словом, Юлия запуталась окончательно и за происходящим в постановке не следила.

После спектакля в фойе, одеваясь и неловко придерживая сумочку то одной рукой, то другой, кое-как закручивая шарф вокруг шеи, Юля все-таки сожалела о впустую потраченном времени.

Да еще прицепился неприятный мужичонка с ерундовыми вопросами: что скажете по поводу спектакля, да как нам теперь добираться до метро или вы на машине? Был он низкорослый, плешив, косоват, с бородавкой на щеке. Один глаз, полуприкрытый веком, изредка странно и неприятно вспыхивал. Юля, несмотря на закипающее в ней раздражение, отвечала вполне спокойно, может, чуточку быстрее, чем в обычной жизни.

Вместе они подошли к выходу, и Юля чуть прибавила шаг, надеясь, что мужичонка отстанет, но он вдруг удержал ее, крепко вцепившись в рукав, будто нарочно не давал ступить на улицу.

— Что такое? — с негодованием оглянулась Юля, растеряв терпение и остановившись.

И в этот миг буквально перед нею с крыши рухнула ледяная глыба, сбивая с ног тех, кто успел выйти. Толпа в фойе, ахнув, отступила назад.

В поднявшейся суматохе кто-то вызывал скорую, кто-то протискивался к пострадавшим («Я доктор, пропустите меня»), кричали женщины, а сзади напирали не видевшие происшествия. Девушка в бежевой кроп-куртке и коричневых кожаных брючках осталась лежать в груде снега и льда, ледяное крошево медленно окрашивалось красным. Полноватый мужчина склонился над девушкой, в переулке уже мигали синие проблесковые маячки и завывала сирена.

Нелепый мужичонка исчез, будто растворился.

Мы тронулись

Мы тронулись! Наконец-то мы тронулись. После того как четыре часа ждали «Газель», которая уехала сначала не на тот адрес, хотя, конечно, я повторила несколько раз:

— Дубнинская улица, не перепутайте с Дубининской, — а диспетчер уверяла, что на их фирме водители прекрасно знают Москву, и у каждого — навигатор.

После того как лопнул чемодан, и всё содержимое выпало на асфальт, и непонятно было, что теперь с этим делать: собирать блузки и брюки обратно и тащить чемодан под мышкой или бросить одежду, считая это знаком того, что не нужно ничего брать из прежней жизни. После того как мама говорила:

«Подумай, Ася! Насколько хорошо ты его знаешь?»

И еще:

«Ничего хорошего не получится из начатого в високосный год», — а я снова и снова, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заорать, уверяла маму, что он — хороший, и что с ним я буду бесконечно счастлива.

Мы тронулись. Наконец-то мы тронулись. Прочь сомнения, прочь мысли, прочь тревожные предчувствия, опасения и плохие приметы. Прочь.

Мы тронулись. После того как я зачем-то научилась открывать шампанское и высадила его, выражаясь на языке моего неинтеллигентного папы, «в одно лицо», плача мелкими колкими слезами — от счастья ли, от страха ли, от шампанского?

После того как я захлопнула дверь, оставив в квартире ключи, и пришлось вызывать слесаря-взломщика лишь для того, чтобы убедиться, что ключи со мной. После бессонной ночи, после кофе, сигарет и телефонного марафона длиною в два часа с подругой Милкой, в котором по кругу обсуждалось одно и то же: правильно ли я делаю?

Это потом станет известно, что в пути разбился аквариум, и акара бирюзовая, которая исполняла мои желания не хуже золотой рыбки, какое-то время билась на сухом полу, пока грузчик не засунул ее в бутылку с водой (хорошо, что вода была теплая и почти без газа). Но желания акара выполнять перестала, то ли оттого, что чуть не погибла, то ли потому, что выполнила самое большое мое желание: он предложил мне жить вместе, и мы тронулись! Наконец-то мы тронулись!

Это потом обнаружилось, что пианино не влезает в лифт, и придется заплатить за его перевозку в два раза больше, чем предполагалось, хотя за все время, что мы жили вместе, я не сыграла ни одной гаммы, ни одного этюда, да и вообще не помню, чтобы я открывала крышку инструмента и пробегалась пальцами по клавишам. Это только потом оказалось, что у него жена в другом городе и двое детей, перед которыми я испытываю неловкость, как будто лично я их обманываю.

Много позже выяснится, что его машина куплена в кредит, и все деньги, которые он зарабатывает, уходят на погашение этого кредита, и я никогда не узнаю, посылал ли он алименты. И долгие годы спустя он будет двоеженцем: не разведется с женой, и не оставит меня.

И много-много позже того, как мы тронулись, я буду любить его, независимо ни от чего. И сомневаться, и страдать, и ненавидеть иногда, расставаться навсегда, и снова возвращаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.